

ВЛАДИМИР МОЛЧАНОВ: КУРИТЬ «БЕЛОМОР» НАУЧИЛСЯ У МАМЫ

В ночь с 7 на 8 марта 1987 года миллионы зрителей впервые увидели «До и после полуночи». Сегодня, спустя десять лет, очевидно, что триумфального шествия этой программы по эфирным просторам нашей Родины не повторить. Времена изменились, да и люди другими стали. И сам Владимир Кириллович Молчанов уверен: «Нельзя дважды войти в одну реку».

Программа «До и после полуночи» родилась совершенно случайно. В январе 87-го я пришел на телевидение. Меня пригласил Леонид Петрович Кравченко (тогда председатель Гостелерадио) — мы повстречались на одной дискуссии в элитарном клубе журналистов Востока и Запада в Нью-Йорке, и на обратном пути прямо в самолете от него поступило предложение, но я отказался. Потом через полгода согласился. Работать в «Останкино» я не стремился. Я как нормальный пишущий журналист всегда испытывал предубеждение к ТВ и так и остался при своем мнении, что наша пишущая журналистика неизмеримо выше, образованней, чем журналистика телевизионная.

— А ведь когда вы пришли в Гостелерадио, ваша сводная сестра Анна Дмитриева уже работала на телевидении?

— Когда-то, году в 83-м, я тоже хотел устроиться туда, но меня не взяли. Потому что отдел кадров запрещал тогда работу родственникам, хотя у нас с Аней разные фамилии. Зимой 87-го среди прочего мне предложили сделать утреннюю программу вместе с Майей Сидоровой. Мы подготовили ее, провели репетицию, а высокие начальники сказали, что нашей стране такие передачи, как «Гуд мorning, Америка», совершенно не нужны. Потом посмотрели на нас с Майей с состраданием: «Ну вы старались, ребята, попробуйте лучше что-нибудь вечернее сделайте». И мы за неделю сделали программу. Ее то и запустили в эфир в ночь на восьмое марта. Кстати, она называлась «Вы с нами где-то уже встречались». Кто придумал это название, я не знаю. Потому что со мной точно никто до этого не встречался, да и Майя тоже была в то время

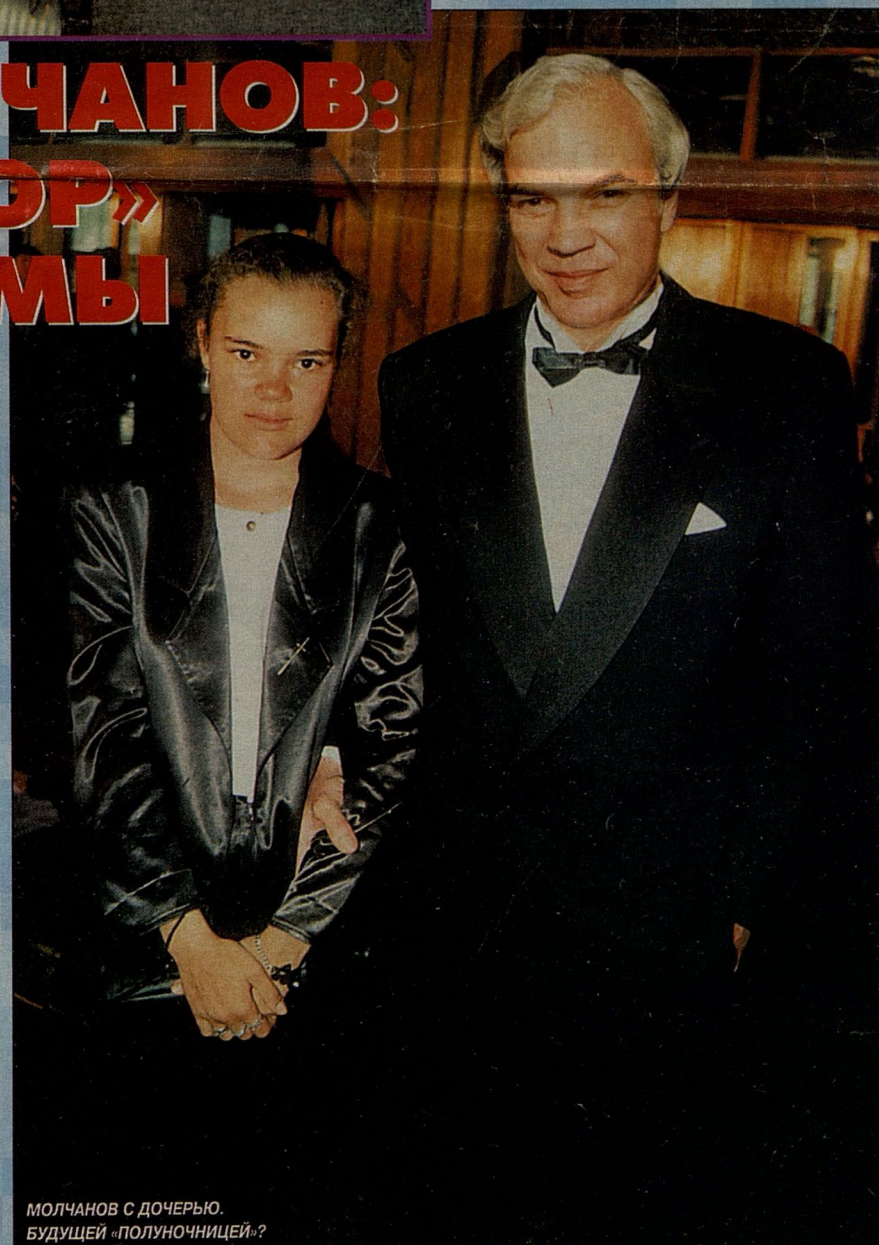
малоизвестной дикторшей. Со второй программы она называлась уже «До и после полуночи».

— Кстати, а где сейчас ваша напарница Майя Сидорова?

— Майю я не видел лет семь. Она уехала в Америку со своим мужем. Я слышал, что она там работала на местном русском телевидении, потом перестала.

— «До и после полуночи» стала просто шоком для страны.

— Конечно, это же был первый ночной прямой эфир на советском телевидении. Совершенно необычная по форме и жанру программа, и по содержанию. Кстати, в нашей первой программе было последнее появление в телевизионной студии Андрея Миронова. Он пришел к нам в гости, а через несколько месяцев его не стало. Тогда в программе «Время» мне не разрешили сказать о его смерти — в то время давали некрологи только на народных артистов Советского Союза, а Миронов был народным артистом России. Но в день, когда он умер, после «Времени» я вел еще и «До и после полуночи». И мои коллеги за два часа умудрились найти кадры и планы, и мы сделали такой трагический сюжет.

МОЛЧАНОВ С ДОЧЕРЬЮ.
БУДУЩЕЙ «ПОЛУНОЧНИЦЕЙ»?

— **Вам часто мешали делать программу?**

— Со временем, когда мы стали давать слишком острые сюжеты, передачу передвинули на глубокую ночь. Чем позднее мы выходили, тем лучше чувствовали себя начальники.

Каждая программа была скандалом. Три месяца мне не разрешали показывать в эфире архиепископа Питирима. Я так за это бился. Наша передача оказалась первой в стране, которая дала в эфир беседу с представителем церкви. И это был вызов. Я помню, как приезжал в студию генерал КГБ Олег Калугин. Я ему тогда выписал пропуск на фамилию голландского дирижера, о котором шел сюжет в нашей программе. За Калугиным ехали две «наружки» (велось наружное наблюдение КГБ), и два моих режиссера и ассистента на разных машинах его встречали в каких-то подворотнях, чтобы оторваться от преследования и привезти к нам в студию.

— **Просто детективная история, ну а комические случались?**

— Мой друг Юра Рост (мы дружим лет тридцать) всегда что-нибудь придумывал. Так вот, в очередной раз Рост преподнес подарок — он прислал мне кобру. Примерно за час до эфира мы начали съемки с ее участием. Я сидел на полу, а кобра лежала на столике надо мной. Вдруг она плюнула. Потом я понял, что она, просто, извините, покакала, а мне почудилось, что плюнула в мою сторону. Поэтому я летел к двери с быстротой молнии — в подсознании-то у меня отложилось, что плевков змеи — тоже яд.

— **Сейчас уже не все помнят: «До и после полуночи» в конце концов закрыли?**

— В начале 91-го в «Останкино» были закрыты практически все острые программы — и «Взгляд», и «ТСН» запретили, а меня никак не закрывали...

— **Почему же?**

— Вот это загадка. Хотя я уже к тому времени и из партии вышел, и отказался письменно в заявлении вести программу «Время» после январских событий в Вильнюсе. Начальникам, видимо, хоть что-то надо было оставить. И в группе возникла очень тяжелая атмосфера — все понимали, что мы находимся в странной ситуации. За нами стали внимательно следить: какие сюжеты мы даем, кто гости нашей студии. И вот тогда я понял, что должен уйти с телевидения. Причем я уходил, совершенно не ожидая, что потом вернусь.

— **Но судьба распорядилась иначе, и вы делаете «До и после» (правда, уже без «полуночи») до сих пор...**

— Теперь на канале РЕН-ТВ.

— **Я знаю, вы сейчас много ездите по стране...**

— Да, не люблю снимать за границей. Хотя много где снимал. Однажды мы поехали делать программу в мою любимую Голландию, и в последний день съемок из автобуса у нас украли камеру. Она и сейчас стоит бешеные деньги, а тогда просто немыслимые. Голландцы так рас-

строились. Все газеты написали об этой краже, и в течение двух-трех дней они собрали деньги и подарили нашей бригаде новую камеру.

— **Надо же, как вас любили! Владимир Кириллович, признайтесь, были ведь у вас десять лет назад мешки писем от поклонниц? Тысячи признаний?**

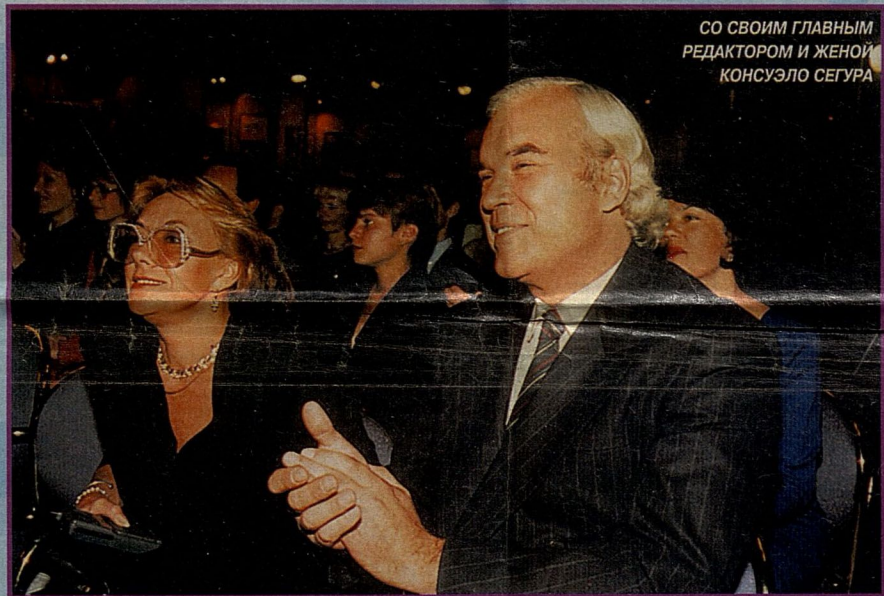
— Да, женщины писали. Может, и признавались в любви. Я плохо помню. Детей много было, могу честно сказать.

— **То есть?**

— Писали, что у меня дети растут. Даже фотографии их присылали. Причем из самых неожиданных мест. Как правило, из тех, где я даже в жизни не был, — из каких-то глухих медвежьих углов. Многие — с просьбами помочь. Материально.

— **Помню, я долго не могла поверить тому, что богемно-элитарный Молчанов, интеллигент, интеллектуал, полиглот, курит «Беломор».**

— Я его и сейчас курю. Это у меня от мамы. Когда начинал курить, у нее папиросы таскал — так и привык.

СО СВОИМ ГЛАВНЫМ РЕДАКТОРОМ И ЖЕНОЙ КОНСУЭЛО СЕГУРА

— **С малолетства пристрастились?**

— Я поздно начал — я же был теннисистом, чемпионом СССР в паре среди юношей. Много лет играл за сборную Москвы. Я вообще в 14 лет получал спортивную стипендию, которая была выше, чем моя первая зарплата в АПН, куда я потом пришел после Московского университета. Но бросил теннис. Я женился, закурил и выпил шампанского одновременно. В восемнадцать лет.

— **Вы с женой, конечно же, познакомились в университете?**

— Да, на «картошке», вернее, на «морковке». Там же я ей сделал предложение, и где-то через полгода мы поженились.

— **Потом у вас родилась дочь...**

— Ей в апреле будет шестнадцать.

— **Она случайно не собирается пойти по вашим стопам?**

— Думаю, что это предопределено, хотя я не хотел бы этого.

— **Вашу жену-испанку зовут Консуэло. У дочери тоже экзотическое имя?**

— Мы называли дочку Аней — жена в честь бабушки, а я в честь сестры. Кон-

суэло в основном растила бабушка — ее родители всегда были в командировках, а меня очень серьезно воспитывала сестра, она на десять лет меня старше.

— **Заставляла делать уроки, учила уму-разуму...**

— Учила, и сейчас до сих пор этим занимается. Она для меня самый серьезный критик. Когда я начал работать в «Останкино», Аня безумно боялась, не верила, что я могу что-то сделать. Иногда приходила тихонечко в монтажную, чтобы подглядеть, чем там Володька занимается. Не дай Бог дураком окажется.

— **Я так понимаю, сестра оказала на вас большое влияние.**

— Я сначала поступил в Школу-студию МХАТ на актерское отделение. Но родители мои сделали все для того, чтобы я там не учился. И слава Богу, я им за это вечно благодарен. Тогда сестра взяла меня и отволокла на свой факультет — филологический. И сказала: «Будешь сюда поступать!» Я выбрал испанское отде-

ление. Мне же было абсолютно безразлично — я совершенно не хотел учиться на филологическом, а мечтал о театре. Причем хотел быть не актером, а режиссером. За день до экзаменов в нашей деревне в Старой Рузе мы катались с Аней на лодке, и она решила проверить мои познания русского языка. И попросила проспрягать какой-то глагол. Я и начал: «Именительный... родительный... дательный...» Этого случая она до сих пор не может забыть.

— **Как ваша жена Консуэло Сегура относится к «До и после»?**

— Критически. Именно поэтому я и пригласил ее теперь к себе в программу. Раньше она работала в «Советской культуре», потом в «Столице» — замом главного редактора. Потом «Столица» закрылась, все журналисты остались на улице. Впервые за 27 лет нашей совместной жизни мы работаем вместе. Вот дошел до того, что жена нынче — мой главный редактор. Хотя и она, и я этого боимся.

Марина ДЕНИСОВА
Фото Сергея ИВАНОВА